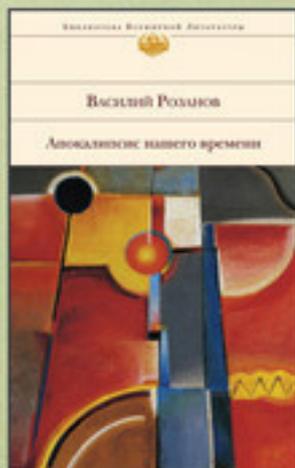

Василий Васильевич Розанов

Смертное

*Часть сборника
Апокалипсис нашего времени
(сборник)*

Василий Розанов

Смертное

«Public Domain»

1913

Розанов В. В.

Смертное / В. В. Розанов — «Public Domain», 1913

«Смертное» – вторая книга «опавших листьев» (написанных в конце 1911 – начале 1912 г.) – посвящена в основном автобиографическим темам. Подробности тайного венчания В.В.Розанова со второй женой определили характер первой публикации как «домашнего издания». При жизни автора книга была издана в количестве 60 экз. и в настоящее время является библиографической редкостью.

Содержание

Смертное	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Василий Васильевич Розанов

Апокалипсис нашего времени

Смертное

Только такая любовь к человеку есть настоящая, не преуменьшенная против существа любви и ее задачи, – где любящий совершенно не отделяет себя в мысли и не разделяется как бы в самой крови и нервах от любимого. Вот *эту*-то любовь к человеку я и встретил в своем «друге» и в матери ее, Ал. Адр-е: почему они две и сделались моими воспитательницами и «путеводными звездочками». И любовь моя к В. началась, когда я увидел ее лицо полное слез (именно лицо плакало, не глаза) при «t» моего товарища, Ивана Феоктистовича Петропавловского (Елец), их постояльца, платившего за 2 комнаты и стол 29 руб. (приготов. класс). Я увидел такое горе «по чужом человеке» (неожиданная, но не скоропостижная смерть), что остановился как вкопанный: и это решил мой выбор, судьбу и будущее.

И я не ошибся. Так и потом она любила всякого человека, в котором была нравственно уверена.

В-ря есть самый нравственный человек, которого я встретил в жизни и о каком читал. Она бы скорее умерла, нежели бы произнесла неправду, даже в мелочи. Она просто этого не могла бы, не сумела. За 20 лет я не видел ее хотя *двинувшуюся в сторону лжи*, даже самой пустой; ей никогда в голову не приходит возможность сказать не то, что она определенно думает.

Удивительно и натурально.
(19 декабря 1911 г.).

Но точь-в-точь такова и ее мать. В-ря («следующее поколение») только несколько одухотвореннее, поэтичнее и нервнее ее.

«Верность» В-ри замечательна: ее не могли поколебать ни родители, ни епископ Ионафан (Ярославль), когда ей было 14 ¹/₂ лет и она полюбила Мих. Павл. Бутягина, которому была верна и по смерти, бродя на могилу его (на Чернослободском кладбище, Елец)... И опять – я влюбился в эту любовь ее и в память к человеку, очень несчастному (болезнь, слепота), и с которым (бедность и болезнь) очень страдала.

Ее рассказ «о их прошлом», когда мы гуляли ввечеру около Введенской церкви, в Ельце, – тоже решил мою «судьбу».

Моя В-ря одна в мире.
(20 лет).

* * *

Что я все нападаю на Венгерова и Кареева. Это даже мелко... Не говоря о том, что тут никакой нет «добродетели».

Труды его почтенны. А что он всю жизнь работает над Пушкиным, то это даже трогательно. В личном обращении (раз) почти приятное впечатление. Но как взгляну на живот – уже пишу (мысленно) огненную статью.

* * *

Ужасно много *гнева* прошло в моей литерат. деятельности. И все это напрасно. Почему я не люблю Венгерова? Странно сказать: оттого, что толст и черен (как брюхатый таракан).

* * *

Только то чтение удовлетворительно, когда книга *переживается*. Читать «для удовольствия» не стоит. И даже для «пользы» едва ли стоит. Больше пользы приобретаешь «на ногах», – просто живя, делая.

Я *переживал* Леонтьева (К.) и еще отчасти Талмуд. *Начал* «переживать» Метерлинка: страниц 8 я читал неделю, впадая почти после каждых 8-ми строк в часовую задумчивость (читал в конке). И бросил от *труда* переживания, – великолепного, но слишком утомляющего.

Зачем «читал» другое – не знаю. Ничего нового и ничего поразительного.

Пушкин... я его *ел*. Уже знаешь страницу, сцену: и перечтешь вновь: но это – еда. Вошло в меня, бежит в крови, освежает мозг, чистит душу от грехов. Его

Когда для смертного умолкнет шумный день

одинаково с 90-м псалмом («Помилуй мя, Боже»), Так же велико, оглушительно и религиозно. Такая же правда.

* * *

Есть люди, которые рождаются «ладно» и которые рождаются «не ладно».

Я рожден «не ладно»: и от этого такая странная, колючая биография, но довольно любопытная.

Не «ладно» рожденный человек всегда чувствует себя «не в своем месте»: вот именно как я всегда чувствовал себя.

Противоположность – бабушка (А.А. Руднева). И ее благородная жизнь. Вот кто родился... «ладно». И в бедности, ничтожестве положения – какой непрерывный *свет* от нее. И польза. От меня, я думаю, никакой «пользы». От меня – «смута».

* * *

Чего я жадничаю, что «мало обо мне пишут». Это истинно хамское чувство. Много ли пишут о Перцове, о

Философове. Как унижительно это сознание в себе хамства. Да... не отвязывайся от самого лакейского в себе. Лакей и гений. Всегдашняя и, м. б., всеобщая человеческая судьба (кроме «друга», который «лакеем» никогда, ни на минуту не был, глубоко спокойный к любви и порицаниям. Также и бабушка, ее мать).

* * *

Почему я издал «Уедин.»?

Нужно.

Там были и побочные цели (главная и *ясная* – соединение с «другом»). Но и еще сверх этого слепое, неодолимое:

НУЖНО.

Точно потянуло чем-то, когда я почти автоматически начал нумеровать листочки: и отправил в типографию.

* * *

Работа и страдание – вот вся моя жизнь. И утешением – что я видел заботу «друга» около себя.

Нет: что я видел «друга» в самом себе. «Портретное» превосходило «работное». Она еще более меня страдала и еще больше работала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.